

«ПОНЯТИЕ
О
РОССИИ»

К ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА

Том I

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2012

Елена Нигметовна Марасинова

Закон в России второй половины XVIII века

Закон Божий и закон государственный

Понятие *закон* в русском языке XVIII столетия было многозначно и имело отношение к социальной, религиозной, духовной сферам жизни современников. Утро каждого дня человек обязан был начинать с молитвы и следовать Закону Божьему, охраняющему нравственные устои общества. Подданные императрицы Екатерины Алексеевны неукоснительно подчинялись предписаниям верховной власти, или *государственным законам*. В век Просвещения нельзя было отрицать и действие *закона естественного*, о котором, в частности, писал Александр Николаевич Радищев:

Человек, происходя на свет, есть равен во всем другому. Немощен, наг, алчущ, жаждущ [...] первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природою право никогда истребиться не может, потому что основано на необходимой нужде. [...] Се основание закона естественного¹.

На основании *Словаря русского языка XVIII века* можно выделить целый ряд определений слова *закон*, демонстрирующих богатейшее смысловое наполнение этого понятия. В рассматриваемый период различали *гражданский, криминальный, всемирный, открытый, обычный закон; закон христианский, магометанский, еврейский, идолопоклоннический; закон чести, закон Моисеев, закон движения, закон математический* и так далее². В *Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения* четко выделялось девять «родов законов»: право Божественное, право церковное, право естественное, право народное, право государ-

ственное общее, право государственное особенное, право завоевания, право гражданское и, наконец, право домашнее³.

Для понимания внутреннего мира человека XVIII столетия особое внимание следует обратить на соотношение в мышлении личности *закона государственного* и *закона Божественного*. В *Генеральном плане московского воспитательного дома* так и провозглашалось — «человек живет по законам государственным и Божественным»⁴. Однако анализ частной переписки, воспоминаний и дворянской публицистики обнаружил практически полное отсутствие корреляции между религиозной верой и правовым сознанием на уровне повседневной практики. Зато в законодательных актах апелляция к догматам Нового и Ветхого Заветов встречается довольно часто. Достаточно упомянуть, что даже *Наказ Уложенной комиссии* начинается не с двух своих главных тезисов, провозглашающих Россию европейской державой с единственно приемлемой для нее самодержавной формой правления, а со смиренного обращения к Всевышнему: «Господи Боже мой вонми ми, и вразуми мя, да сотворю суд людям твоим по закону святому твоему судити в правду»⁵. В уже цитированном *Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения* было сказано: «Мы ведаем повеленное человекам законом Божиим: законы гражданские должны в обществе подкреплять законы Божии»⁶. Однако содержание исходящих от престола указов свидетельствует, что здравый смысл и приземленные реалии «происхождения, предлогов и свойства законов человеческих» заставляли власть, напротив, прагматично использовать авторитет веры для усиления идеологической составляющей своих указов⁷. Так например, многочисленные обращения к Священному Писанию содержались в обширной *Сентенции о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников*, которая была во всеуслышание провозглашена на Красном крыльце 11 января 1775 года, день спустя после исполнения приговора над участниками восстания. Аргументация необходимости жестокого наказания была усилена цитатами из Книги Премудрости Соломона, четвертой книги Моисеевой, Еван-

³ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.950. С. 281 (30 июля 1767 г.).

⁴ Там же. № 12.957. С. 311, 317 (11 августа 1767 г.).

⁵ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 6—7.

⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.950. С. 281 (30 июля 1767 г.).

⁷ Там же.

¹ Радищев А.Н. Опыт о законодательстве // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 10.

² СлРЯ XVIII. СПб., 1992. Вып. 7. С. 244—251.

гелий от Марка, Матвея, Иоанна, Послания апостола Павла к римлянам и Первого послания апостола Павла к коринфянам. В результате следовал очевидный вывод — «наистрожайшая смертная казнь предписывалась вам Божественными и гражданскими законами и вечная мука по священному писанию»⁸.

Таким образом, государственный закон, возвышенный и подтвержденный Законом Божиим, приобретал особую силу воздействия на сознание подданных. Кроме того, христианские догматы в правовых актах использовались как мощное дисциплинирующее орудие и в то же время средство для смягчения нравов. Неслучайно *Устав благочиния или полицейский* начинался с изложения «правил добронравия», сформулированных в прямом соответствии с заповедями Нагорной проповеди: «не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь; блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее»⁹. Однако несмотря на провозглашенный в *Присяге депутатам, вступающим в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения* тезис о том, что «правосудие истекает из правил богоугодных, человеколюбие вселяющих и добронравие»¹⁰, Екатерина предостерегала от смешения «оснований, долженствующих управлять людьми»¹¹. В то же время определенное разграничение сферы действия *законов естественных, всемирных, обычных* и, прежде всего, *Божественных и государственных*, лишь частично проясняет всю сложность смыслового содержания понятия *государственный закон*.

Указ и закон

На протяжении XVIII столетия законодательные акты издавались во все увеличивающемся количестве под названиями *указов, манифестов, регламентов, учреждений, наставлений, уставов, инструкций, жалованных грамот* и так далее. Основной массив исходящих от верховной власти законов именовался в XVIII столетии указами, среди которых, в свою очередь, различались *именные; данные Сенату; именные, данные Синоду; именные, данные генерал-прокурору* и так далее; *именные, данные Комиссии об учреждении Народ-*

⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 20. № 14.233. С. 1—15 (10 января 1775 г.).

⁹ Там же. Т. 21. № 15.379. С. 464—465 (8 апреля 1782 г.).

¹⁰ Там же. Т. 18. № 12.945. С. 181 (24 июля 1767 г.).

¹¹ Там же. № 12.950. С. 281 (30 июля 1767 г.).

ных училищ и так далее; *именные, объявленные из Сената; именные, объявленные генерал-полицмейстером* и так далее; *сенатские; объявленные из Сената; сенатские вследствие именного; сенатские вследствие высочайшей резолюции на доклад Сената; сенатские по высочайше утвержденному докладу; из коллегий* и так далее.

Проблема соотношения понятий *закон* и *указ* в сознании русского общества правления Екатерины II далеко не однозначна. Многие специалисты полагают, что абсурдная ситуация формального признания высшего авторитета *Соборного уложения* 1649 года во второй половине XVIII века, а также отсутствие строгой регламентации формуляров юридических документов приводили к некоторому сумбуру жанров в правовой сфере. «Вопрос о существовании у нас различия между законами и высочайшими указами, — писал Николай Михайлович Коркунов, — представляется спорным. В XVIII столетии и вплоть до учреждения в 1810 году Государственного совета у нас не было никакой определенной отличительной формы законодательных актов»¹². Действительно, отождествление *закона* и *указа* нередко можно встретить в документах, исходящих как от престола, так и от Правительствующего сената. Подданным полагалось исполнять все предписания власти, вне зависимости от их наименования: «следовать узаконениям» и «во всем поступать в силу законов и указов»¹³. Однако за пределами жесткого правового императива смысловое наполнение понятий *указ* и *закон* различалось, что можно проследить не только на уровне лексических сравнений, но и на уровне осознанных предпочтений авторов документов. Анализ языка как официальных источников, так и источников личного происхождения свидетельствует, что человек XVIII столетия повиновался именно «законам», «поступал по точной силе закона», а иногда действовал «в ущерб закону» и за это нес наказание «по всей строгости закона», «ибо таков есть закон»¹⁴. Современники признавали более глубокое,

¹² Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 309. См. также: Романович-Славятинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1: Основные государственные законы. Киев, 1886. С. 186—187; Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и Свод Законов Российской Империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 71.

¹³ См., например: Наставление московскому и санкт-петербургскому губернаторам // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12.306. С. 5—7 (12 января 1765 г.).

¹⁴ См., например: Державин Г.Р. Записки, 1743—1812. М., 2000. С. 10, 21, 87, 98—99 и др.

иногда даже мировоззренческое содержание понятия *закон*, а слово *указ* часто употребляли в значении *инструкция* или *учреждение*¹⁵. В данном контексте сближение понятий *закон* и *указ* происходило, если слово *указ* сопровождалось знаковым определением — *подлежащий к вечности*.

Еще в самом начале своего правления эти *подлежащие к вечности указы* Екатерина вознамерилась отделить от *несходных с временем и пользе государственной противных*, разобрать «по материям», опубликовать и разослать во все присутственные места. Несмотря на то что часть работ была уже проделана для созданной в 1761 году Уложенной комиссии, задача кодификации оказалась крайне трудоемкой, и специально назначенный секретарь не смог даже с помощниками привести в порядок громадное количество документов. К концу 1764 года выяснилось, что «на одну материю в равных годах указов немалое число и один с другим имеет несогласие», комиссия практически распущена, секретарь уволен, канцелярских служителей немного, а копиист только один. Дело по подготовке реестров *подлежащих к вечности указов* было передано в архив Сената¹⁶. Вступающему же на должность новому генерал-прокурору князю Александру Алексеевичу Вяземскому Екатерина дала *Секретнейшее наставление*, где писала, что «законы нации требуют поправления» и, следовательно, необходимо «разделить временные и на персон данные от вечных и непременных»¹⁷. В *Наказе* вновь созданной в 1767 году Уложенной комиссии непосредственно было сказано — указы могут быть *забвению преданные, вредные, темные*, и для того, чтобы знать, «каким указам должно повиноваться», существуют *законы, основание державы составляющие, твердые и неподвижные*¹⁸. В ряде других источников подобные законы имено-

¹⁵ Так, в указе о процедуре доведения до сведения населения новых постановлений говорилось о «присланных высочайших указах, узаконениях, учреждениях» и проч. (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 21. № 15.612. С. 777 [13 декабря 1782 г.]).

¹⁶ См.: Там же. Т. 16. № 11.927. С. 377 (18 сентября 1763 г.); № 12.292. С. 1000—1003 (15 декабря 1764).

¹⁷ Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—5). Этот документ неоднократно публиковался с теми или иными разночтениями, которые можно объяснить повышенным интересом исследователей к *Секретнейшему наставлению* и, как следствие, существованием многочисленных списков. Только в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся три копии данного текста, выполненные в начале и середине XIX века (см.: ОР РНБ. Ф. 542. Д. 660; Ф. 73. Д. 157; ЧОИДР. Кн. 1. 1858. Январь—март. Отд. 5. С. 101—104).

¹⁸ Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

вались также *непременными, неперемняемыми, фундаментальными, вечными* и даже *священными*¹⁹. Подобные законы, как говорила Екатерина, следовало «ввести в систему», или издать новое Уложение, чтобы «пресечь все сумнительства, дополнить недостатки, а излишки исключить»²⁰. Более того, правительству уже заранее анонсировалось право «представлять государю, что такой-то указ противен Уложению»²¹. Н.М. Коркунов справедливо замечал, что «петровская реформа не изгладила в сознании общества и самого правительства представления о законе, об уложении, как о чем-то существенно отличающемся от простого указа», для издания которого «считался необходимым особый порядок, существенно отличный от порядка издания указов»²².

На протяжении всего XVIII века русских императоров преследовало неослабное стремление заменить устаревшее *Уложение* 1649 года новым. Попытки составить единый свод законов предпринимались в 1700, 1714, 1720, 1726, 1728, 1730, 1754, 1761, 1767 и, наконец, в 1796 году. Все усилия абсолютизма, как известно, оказались тщетными по целому ряду причин, и в частности в силу чрезвычайной сложности согласования многочисленных старых и новых *узаконений*, отражающих стремительную динамику развития общества, а также противоречивых и даже взаимоисключающих интересов различных социальных групп, «населяющих обширную империю». Неслучайно Екатерина уже после роспуска Уложенной комиссии заметила Ивану Ивановичу Бецкому: «Или делать и делать целое и совершенное, или так оставить и не начинать»²³.

¹⁹ См., например: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12.741. С. 973 (11 сентября 1766 г.); Т. 18. № 13.095. С. 503—512 (8 апреля 1768 г.); Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими рассуждалось иметь полезным для Российской Империи фундаментальные права, неперемняемые на все времена никакою властью (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 26—31).

²⁰ См.: Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—5); ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 12.292. С. 1001 (15 декабря 1764 г.).

²¹ Там же. Т. 18. № 13.095. С. 504 (8 апреля 1768 г.). См. также: Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

²² Коркунов Н.М. Указ и закон. С. 309.

²³ См.: Высочайше утвержденный доклад действительного тайного советника Бецкого // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 19. № 13.895. С. 610 (27 октября 1772 г.).

Монаршее слово и закон

Отсутствие уложения, с одной стороны, сдерживало развитие правовой мысли и культуры, но с другой — являлось стимулом выработки четких критериев *вечных* и *непременных законов*. Анализ официальных документов показывает, что в правление Екатерины все *узаконения* условно разделялись на те, которые касались «частных распоряжков», и так называемых «общих», действующих в масштабе «всей империи»²⁴. Единственным источником этих актов о «государственных генеральных делах» был самодержавный монарх: законодательство определялось волей императора и являлось ее выражением. Этот тезис сохранял свою актуальность на протяжении всего XVIII столетия и в практике принятия новых законов, и в сфере сознания подданных, и в отношении самооценки верховной власти. Абсолютный правитель являлся главным субъектом законотворчества, поскольку право издания новых законов принадлежало только императору, а Сенат, Синод, коллегии и другие учреждения могли лишь обращаться к нему с предложениями.

Показательно, что перу императрицы принадлежит и собственная *Правда воли монаршей*, которую она назвала *О преимуществе Императорского Величества*²⁵. Этот документ Екатерина тщательно прописала в черновом варианте, а затем подготовила беловую рукопись. Вслед за Петром, провозгласившим — «Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен»²⁶, Екатерина столь же властно подводит в своей записке черту? император «отчету же в делах на сем свете не подвержен», а дает отчет и «благодарение Единому Творцу Нашему Богу»²⁷.

²⁴ См., например: Там же. Т. 16. № 11.757. С. 161 (14 февраля 1763 г.); Т. 19. № 14.047. С. 836 (19 октября 1773 г.); и др.

²⁵ Записка императрицы Екатерины *О преимуществе Императорского Величества* (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. Л. 1—4 об.). Кроме того, в черновых бумагах императрицы была обнаружена неотредактированная записка *О роде и наследии Императорского Величества*, которая включала отдельные комментарии к *Правде воли монаршей* и собственные соображения Екатерины по поводу назначения наследника престола правящим монархом, а также некоторые другие законодательные акты на английском и французском языках (Там же. Д. 325). Ср.: Устав о наследии престола // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. № 3.893. С. 496—497 (5 февраля 1722 г.); Правда воли монаршей // Там же. Т. 7. № 4.870. С. 602—643 (21 апреля 1726 г.).

²⁶ См., например: Воинский устав // Там же. Т. 5. № 3.006. С. 324 (30 марта 1716 г.).

²⁷ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 4—4 об.

В сознании большинства подданных указы не просто ассоциировались с властью императора, скорее высочайшее решение воспринималось как закон, что еще более возвышало образ монарха и препятствовало формированию собственно правового мышления у современников²⁸. Однако подобная бесконтрольность оказалась обременительной прежде всего для абсолютной власти. На протяжении XVIII века российские императоры сами неоднократно будут пытаться разграничить любое «государево слово» и закон.

Устные распоряжения противопоставлялись «письменным и зарученным» указам еще по *Генеральному регламенту* 1720 года. В традициях петровского законодательства параграф IV «Об исполнении указов» сопровождался доходчивым толкованием. Пояснялось, что словесные распоряжения пригодны только для подготовки письменных. Например, «словами приказать можно», что необходимо собрать деньги и провиант, после этого найти самый эффективный способ и действовать уже по составленному письменному указу²⁹. Напряжения мобилизационного правления Петра несколько спадает при Екатерине I, когда признается существование и изустных высочайших повелений. Однако определяются наиболее важные государственные дела — «выдача сверх штату денег и прочее тому подобное, что регламентам противно», — решение по которым должно приниматься только на основании указов, лично подписанных либо императрицей, либо членами Верховного тайного совета³⁰. Таким образом, после смерти Петра I ставилось под контроль прежде всего содержание повелений, объявляемых от лица монарха, собственное же высочайшее слово не подлежало регламентации и имело силу закона.

При Анне Иоанновне действие устных высочайших указов было ограничено лишь придворной сферой, «что до строения домов и садов наших надлежит». В масштабе же всей страны именной указ признавался действительным только за подписанием са-

²⁸ Андрей Николаевич Медушевский вообще полагает, что «ключ к пониманию Просвещенного абсолютизма — борьба за введение власти в пределы законности; в этих попытках выявляется граница, которая отделяет монархию от деспотии, просвещенный абсолютизм от непросвещенного, законную монархию от полицейского или регулярного государства», — *Медушевский А.Н. Проекты политических реформ в России XVIII в. (К становлению либеральной историографии)* // Classical Russia, 1700—1825. 2006. № 1. Р. 91—110.

²⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. № 3.534. С. 141—160 (28 февраля 1720 г.).

³⁰ Там же. Т. 7. № 4.862. С. 596—597 (28 марта 1726 г.); № 4.945. С. 684—685 (5 августа 1726 г.).

мой императрицы или трех кабинет-министров³¹. В царствование Елизаветы Петровны слово монарха получает еще более жесткую регламентацию. В 1743 году императрица предписала «в Сенат никаких предложений [...] без письменных наших указов за нашею рукою в действо не производить»³². Петр III из компетенции устных распоряжений изъял решения о «лишении живота, чести и имени», «раздачу денежных сумм свыше 10 000 рублей», «награждение деревнями и чинами свыше подполковника». Также объявлялось, что словесные повеления императора не должны противоречить уже принятым законодательным актам и могут доводиться до сведения подданных лишь сенаторами, генерал-прокурором и президентами первых трех коллегий. Более того, император потребовал еженедельно предоставлять ему копии его же словесных распоряжений с «надлежащею отметкою об исполнении»³³.

3 июля 1762 года Екатерина II практически полностью воспроизвела содержание этого указа, лишь через несколько месяцев включив генерал-адъютантов и правящего Кабинетом Ее Величества в круг государственных лиц, имеющих право объявлять словесные повеления высочайшей персоны. В начале 1763 года список чиновников, провозглашающих государеву волю, был дополнен за счет духовного ведомства обер-прокурором и членами Синода³⁴.

Таким образом, на протяжении XVIII столетия постепенно формировалось представление о законе как о воле государя, со-

³¹ В 1735 году был издан закон, который предписывал «никаких наших словесных именных указов, кроме тех, которые за подписанием собственной нашей руки или за руками всех трех наших кабинет-министров будут, не принимать и в дело не производить» (Там же. Т. 9. № 6.745. С. 529 [9 июня 1735 г.]). Месяц спустя императрица исключила из области юрисдикции данного документа самую высшую сферу жизни российского общества — «онный указ двору нашему и к делам придворным не следует, а следует до Сената и до других коллегий и канцелярий и прочих судебных мест» (Там же. № 6.773. С. 548 [16 июля 1735 г.]).

³² Там же. Т. 11. № 8.695. С. 753 (10 января 1743 г.). Правда, спустя 18 лет, за несколько месяцев до кончины, императрица это решение отменила, кстати, своим устным распоряжением. Без объяснения причин и толкований был издан указ о «возвращении Ее Императорскому Величеству Именного 1743 года указа, запрещающего производить в действо данные Сенату предложения [...] без Высочайших указов за собственноручным Ее Величества подписанием» (Там же. Т. 15. № 11.369. С. 850 [29 ноября 1761 г.]).

³³ Там же. Т. 15. № 11.411. С. 889—890 (22 января 1762 г.).

³⁴ См.: Там же. Т. 16. № 11.592. С. 9—10 (3 июля 1762 г.); № 11.704. С. 107 (7 ноября 1762 г.); № 11.746. С. 152 (3 февраля 1763 г.).

ответствующим образом зафиксированной и оформленной. Подобная тенденция в направлении разграничения слова императора и закона повышала ответственность венценосной особы за принимаемые решения и стимулировала рост уважения подданных именно к законодательному акту, а не к любой прихоти монарха³⁵.

По всей видимости, Екатерина сама признавала обязанность высочайшей персоны следовать установленным правилам. В *Наказе* было заявлено, что «воля государева» должна быть наблюдаема «сходственно с законами, во основание положенными, и с государственным установлением»³⁶. Приблизительно к этому же времени относятся и признания императрицы, сделанные в *Собственноручном черновом проекте манифеста о престолонаследии*, где она писала: «Испытав сердце наше, нашли мы во глубине оногo твердое и *всегдашнее* желание исполнять [...] *все части законодательства нашего*, которому мы с 1766 года благополучное начало положили открытием комиссии об уложении»³⁷. Неслучайно и французский посол Луи Филипп Сегюр отмечал, что «Екатерина никогда не действовала так произвольно, как ее министры. Особенно Потемкин миловал и наказывал помимо законов, даже таких, которых строгое исполнение необходимо для общественной пользы»³⁸. С точки зрения некоторых современников, своеволие вельмож отчасти ограничивалось примером императрицы, имеющим, как свойственно любой монархии, значительное влияние на подданных. Так, камер-юнкер при дворе Екатерины II князь Федор Николаевич Голицын в своих воспоминаниях точно подметил:

³⁵ Неслучайно в предназначенной для будущего императора Павла *Записке о государственном казенном правлении и о производстве дел, по свойству их рассмотрения и распоряжения его зависящих*, авторство которой принадлежит братьям Никите и Петру Паниным, особым образом оговаривалась процедура оформления устных распоряжений монарха. «Получив от государя приказание на доклады сделанное или особое его повеление, словесное или письменное, в назначенный журнал об именных повелениях вписано быть должно, письменные повеления и резолюции на доклады подлинниками приобщаются в книгу указов, словесные повеления государственным казначеем в ту книгу запишутся» (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 54).

³⁶ Наказ императрицы Екатерины II. С. 6—7.

³⁷ Отрывок собственноручного черного проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 382. В подлиннике фразы, данные курсивом, специально выделены и вынесены на поля рукописи (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 1).

³⁸ Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб., 1865. С. 390.

Люди портятся без сомнения, но портятся от дурных примеров. Сии рассуждения опять меня обращают к Императрице. Во время ее царствования все было важно, почтенно. Она умела себя так вести, что каждый вельможа ее почитал и любил и старался также на нее походить. Вольтер написал:

Когда Август пил, вся Польша была пьяна.

Вот как сильно действует над подданными пример государя! [...] Верховная власть не должна бы никогда выходить из круга, предписанного законами³⁹.

Всенародно объявленный указ Ее Императорского Величества за собственным подписанием

Итак, наибольшей значимостью были наделены именные своеручно подписанные указы, прежде всего нормативного характера, устанавливающие новые юридические нормы или отменяющие старые. Эти указы объявлялись из Сената в коллегии и губернии и из коллегий и губерний в подчиненные им места и имели строго установленный титул, который не изменялся на протяжении всего рассматриваемого периода, — «Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской»⁴⁰.

Кабинет императрицы и Сенат проводили четкое различие между «указами, кои до сведения в народе не принадлежат, а единственно следуют ко исполнению одним присутственным местом», и «указонениями, объявляемыми во всенародное известие». Для быстрого решения текущих дел достаточно было подписи четырех находящихся в присутствии сенаторов, в то время как отмена законов или новые постановления требовали визы, по крайней мере, президентов первых трех коллегий и генерал-прокурора. При этом никто не отменял распоряжение Петра III, в соответствии с которым запрещалось издавать во всенародное известие без высочайшего утверждения ни один указ, «составляющий или новый закон, или служащий подтверждением прежде изданному»⁴¹.

³⁹ Голицын Ф.Н. Записки // Русский архив. Кн. 1. 1874. Стб. 1292—1294.

⁴⁰ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. № 11.392. С. 876 (26 декабря 1761 г.); Т. 16. № 11.590. С. 7 (2 июля 1762 г.); Т. 24. № 17.635. С. 230 (12 декабря 1796 г.).

⁴¹ Там же. Т. 22. № 15.320. С. 376—377 (10 января 1782 г.); Т. 16. № 11.589. С. 6 (2 июля 1762 г.); Т. 15. № 11.558. С. 1029 (1 июня 1762 г.). См. также: Там же. Т. 16. № 12.292. С. 1001 (15 декабря 1764 г.); Т. 17. № 12.483. С. 347 (30 сентября 1765 г.); и др.

Ввиду так и не удавшейся попытки составить новое уложение, печатались указные книги, представляющие собой сборники «подлежащих вечности и для всенародного известия» законов, которые были изданы за какой-то определенный период. Придя к власти, Екатерина обнаружила, что обобщенная публикация «всенародно объявленных» указов была прекращена еще в 1730 году. Императрица распорядилась немедленно возобновить точное копирование законов, составление реестров и издание сборников нормативных актов «для продажи в народ»⁴². Только за первый год правления Екатерины в лавки и магазины поступило несколько книг, в которых были собраны указы императрицы, предназначавшиеся для «всеобщего известия»⁴³.

Что же касается текущего законодательства «о всяких государственных генеральных делах», то во избежание подлога силу имели только опубликованные указы. Еще в марте 1764 года было объявлено, что «указы и манифесты для всенародного сведения и исполнения от имени Ее Императорского Величества собственно или от Сената издаваемые, не должны быть признаваемы за действительные кроме печатных»⁴⁴.

Доведение содержания законов до сведения подданных оставалось одной из острых проблем для власти, стремящейся использовать с этой целью самые различные каналы. Как уже упоминалось, отдельные указы и сборники нормативных актов можно было купить «партикулярным людям», к которым в данном случае относилось ничтожное меньшинство грамотных и достаточно состоятельных жителей Петербурга и Москвы. Некоторые из них, в том числе и крупные вельможи, делали выписки из законов, а иногда копировали текст того или иного указа полностью⁴⁵. Оповещение подавляющей массы населения предполагало иные пути распространения высочайшей воли.

⁴² ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 11.757. С. 161 (14 февраля 1763 г.).

⁴³ См., например: Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской: Состоявшиеся с благополучнейшего вступления Ее Императорского Величества на всероссийский императорский престол, с 28 июня, 1762 по 1763 год. Напечатаны по всевысочайшему Ея Императорского Величества повелению. СПб.: Печатаны при Адмиралтейской коллегии в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса, 1764.

⁴⁴ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 12.090. С. 645 (17 марта 1764 г.).

⁴⁵ Например, копии высочайших указов и манифестов были обнаружены в бумагах Н.И. Панина: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 114.

Наиболее важные манифесты или сентенции провозглашались прямо на площадях при скоплении людей. Так, в 1787 году после начала войны с Турцией адъютант Потемкина Михаил Антонович Гарновский доносил своему военачальнику из Петербурга: «Манифест объявлен народу обыкновенным образом, то есть на улицах, при барабанном бое, вчерашнего числа, а сегодня было молебствие, при котором государыня изволила в церкви прослезиться. Нет удобнее времени к набору рекрут, как теперешнее: духи расположены теперь к сему. Читая манифест, говорят: ‘видно и еще не миновать рекрутского набора’»⁴⁶. Торжественное и по-своему волнующее «объявление во всенародное известие» отдельных манифестов и указов было рассчитано на мощное эмоциональное воздействие. Подобная форма своеобразного социального контроля нередко имела успех. Неслучайно в те же самые дни статс-секретарь Екатерины Александр Васильевич Храповицкий сделал запись в дневнике: «Спрашивать изволили: ‘Что говорят в городе о войне?’ Уныния нет [...] Говорено с чувствительною признательностью к народу, что в 25 лет приобрела доверенность; никто теперь при начатии войны не унывает»⁴⁷.

Разумеется, на улицах и площадях под барабанный бой указы зачитывались в исключительных случаях. Основная масса нормативных актов высылалась «из Сената в коллегии, канцелярии и конторы, в губернии и провинции, из коллегий и других судебных мест в подчиненные им места»⁴⁸. В центре пристально следили за распространением законов, о чем свидетельствуют многочисленные «указы о рассылке», не вошедшие в *Полное собрание законов Российской империи*, но сохранившиеся в собраниях гражданской печати ряда библиотек⁴⁹. Тем не менее нельзя сказать, чтобы до-

⁴⁶ Гарновский М.А. Записки Михаила Гарновского, 1786—1790 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 3. С. 475.

⁴⁷ Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1862. С. 38—39.

⁴⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12.710. С. 875 (31 июля 1766 г.). В Москву указы из департаментов Сената, находившихся в Петербурге, объявлялись не в присутственные места, а через московские департаменты Сената (Там же. Т. 19. № 13.673. С. 327 [19 октября 1771 г.]).

⁴⁹ См., например: Указ Ее Императорского величества самодержицы всероссийской: [О рассылке указа о порядке взимания сборов с челобитен]: Из Правительствующего Сената. [Б.м., июля 1764]; Указ Ее Императорского величества самодержицы всероссийской: [О рассылке указа об учреждении разных воспитательных училищ]: Из Правительствующего Сената. [Б.м., май 1764].

ставка высочайших и сенатских распоряжений всегда происходила четко и слаженно. Случалось, что тексты законов терялись не только при распространении их в масштабе империи, но даже при перевозке с одной московской улицы на другую.

Распоряжения, не подлежащие обнародованию, надо было неукоснительно исполнять, указы, данные во всенародное известие, требовалось довести до сведения подданных. Логично было предположить, что нельзя «взыскивать с людей исполнения по закону, буде закон не обнародован»⁵⁰. Указы, данные во всенародное известие, как правило, зачитывались в церквях в праздничные и торжественные дни и с этой целью часто рассылались из Сената прямо в Синод, а оттуда в епархии по количеству храмов, находящихся в их подчинении⁵¹. Кроме того, «объявляемые во всенародное известие и подлежащие вечности» указы прибывали в публичных местах. Однако источники свидетельствуют, что это был не самый надежный канал распространения высочайшей воли. Только в *Уставе благочиния* трижды напоминает о взятии под стражу и о суде над теми, кто «снимет, издерет или закроет обнародованные узаконения»⁵².

Таким образом, распространение, а также корректное понимание подданными смысла именных и сенатских указов становилось условием слаженного функционирования не только правовой системы, но и всего государственного аппарата империи. Однако не менее актуальной проблемой всегда оставался собственно сложный процесс законотворчества, ключевой фигурой которого в России XVIII столетия был просвещенный монарх.

Образ самодержавного законодателя

Политическая теория абсолютизма отличалась убежденностью в особой силе закона и регулярного государства или *благочинной* монархии, призванной установить разумный миропорядок. В рассматриваемый период сложился свой идеальный образ монар-

⁵⁰ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 21. № 15.612. С. 777 (13 декабря 1782 г.); № 15.379. С. 464—465 (8 апреля 1782 г.).

⁵¹ См., например: Там же. Т. 19. № 13.763. С. 450—451 (17 февраля 1772 г.); Т. 20. № 14.287. С. 99—100 (31 марта 1775 г.); Т. 20. № 15.021. С. 945—946 (5 июня 1780 г.) и др.

⁵² Там же. Т. 21. № 15.379. С. 472, 477, 481 (8 апреля 1782 г.).

ха, черты которого в той или иной степени должны были воплощаться в персонах реальных правителей. Одной из наиболее ярких эталонных характеристик венценосной особы века Просвещения считался дар успешного преобразователя, приобщающегося одновременно к искусствам и рациональным знаниям⁵³.

В это время культ короля-воина был потеснен фигурой законодателя и философа на троне. Неслучайно Алексей Петрович Бестужев-Рюмин в проекте «о поднесении Екатерине титула матери отечества» воздает хвалу Петру Первому как «неустранимому полководцу вне государства» и как «премудрому законодателю внутри»⁵⁴. Сходная мысль звучит и в записке Никиты Ивановича Панина Екатерине II о преобразовании Сената и других судебных мест: «Свойственно [...] премудрым монархам устанавливать подданным своим полезные законы и порядки. [...] Последовал сему правилу великий государь Петр, законодавец России»⁵⁵. Екатерина II, разумеется, признавалась прямой последовательницей великого императора в его законодательной деятельности. В той же записке Н.И. Панин провозглашал: «[Петр] устанавлял военные и гражданские порядки — Ваше Величество оные к совершенству приводите, он учреждал Сенат, военные, штатские, духовные и судебные правительства, предписывал им некоторые нужные уставы — Ваше Величество неоконченное в этом исполняете»⁵⁶.

Показательно, что в русском политическом мышлении XVIII века величие образа монарха-законодателя определялось не безграничной властью его непререкаемой воли, а талантом верховного правителя. Характерно, что Екатерина, столь внимательно относившаяся к воспитанию внука, записала в так называемой *Бабушкиной азбуке великому князю Александру Павловичу*: «Власть поручена единому ради чинения пользы множеству. Всяк в обществе

⁵³ См., например: Записка о воспитании детей, тут же писанная императрицей Екатериною II копия наставления, данного прусским королем Фридрихом-Вильгельмом подполковнику Рохову касательно воспитания старшего сына его величества 1779 г. (РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113).

⁵⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Ф. 1274. Оп. 1, ч. 1. Д. 114. Л. 1. См. об этом же: Продолжение поучительных слов при высочайшем дворе ее императорского величества благочестивой великой государыни Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, сказанных его императорского высочества учителем иеромонахом Платоном. СПб., 1764 (Там же. Оп. 1, ч. 3. Д. 3177).

⁵⁶ Там же. Оп. 1, ч. 1. Д. 114. Л. 1.

живущий подвержен общественным законам»⁵⁷. Безусловно, абсолютистская доктрина признавала и полностью оправдывала сосредоточение всей законодательной инициативы в руках императора. В *Секретнейшем наставлении* генерал-прокурору Сената князю Александру Вяземскому Екатерина особым образом выделила положение, характеризующее «неотделимость от верховной власти власти законодательной, защитительной и совершительной»⁵⁸: «Российская империя столь обширна, что кроме самодержавного государя всякая другая форма правления вредна ей, ибо все медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеют, которые все к раздроблению власти и силы влекут: один государь имеет все способы к пресечению всякого вреда и почитает общее добром своим собственным, а другие все, по слову Евангельскому, наместники есть»⁵⁹. Однако еще современники главную заслугу Екатерины видели не в концентрации всех прерогатив власти под ее самодержавной эгидой, а в укреплении силы «российского главного права» и введении «непреложных законов», которые и составляют «тело государства»⁶⁰. Одни считали, что императрице удалось «обветшалую громаду» «недостаточных и темных законов, деланных для иных времен и нравов», «в надлежащее привесте состояние». Другие, напротив, с сожалением отмечали отсутствие «твердого основания» для законов и распоряжений, несмотря на то, «каким большим переменам Российская империя подвергнута была со дней Петра I». Тем не менее большинство признавали стремление монархини «установить добрый порядок», что отмечал и канцлер Н.И. Панин в *Записке о преобразовании Сената*: «Многие тру-

⁵⁷ Рукопись хранится в РГАДА (Ф. 2. Оп. 1. Д. 117). Единственная публикация: *Екатерина II*. Бабушкина азбука великому князю Александру Павловичу. М., 2004. С. 51.

⁵⁸ См.: Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового уложения // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 13.095. С. 504 (18 апреля 1768 г.). См. также записку императрицы Екатерины *О преимуществе Императорского Величества* (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 1—4 об.).

⁵⁹ Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (Там же. Оп. 1. Д. Л. 2 об.). См. также об этом черновые записки Екатерины: Собственноручные черновые бумаги на французском языке о толковании воли законодателя (Там же. Оп. 2. Д. 330. Л. 1—3 об.).

⁶⁰ См., например: Речь, говоренная от лица депутатов маршалом Ее императорскому величеству с признательностью за данный для сочинения Уложения Наказ // ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.978. С. 349—355 (27 сентября 1767 г.); Неизвестный автор. *Правило трактатов* (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1, ч. 1. Д. 162. Л. 264—265 об.).

ды прилагаемы были сделать основательные и полезные законы»⁶¹. Спустя тридцать лет племянник канцлера Никита Петрович Панин признает «мудрые узаконения» императрицы главным итогом ее правления⁶².

В русской общественно-политической лексике XVIII века понятия *самовластие* и *самодержавие* имели разные, иногда даже противоположные значения⁶³. *Самовластие* отождествлялось с *беззаконием*, *деспотизмом* и очень часто с *фаворитизмом*, ненавистным для правящей элиты и дворянской родовой аристократии. Характерно, что последние наставления своему воспитаннику великому князю Павлу Петровичу граф Н.И. Панин выдержал в присущей ему стилистике семиотических сравнений. Канцлер противопоставил такие понятия, как *просвещенный монарх*, располагающий *неограниченной властью*, или *самодержец*, и *государственные законы*, с одной стороны, и *самовластие*, *тиранство*, *деспотическое правление*, *государев любимец* или *фаворит* — с другой.

Просвещенный МОНАРХ, облекшись в неограниченную власть, сам тотчас ощутит, что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла. [...] ГОСУДАРЬ Самовластнейший на недостатке Государственных законов чаёт утвердить СВОЕ самовластие. Порабощен одному или нескольким рабам Своим, почему он САМОДЕРЖЕЦ? Разве потому, что САМАГО держат в кабале недостойные люди? [...] тщетно пишет Он новые законы: новые законы Его будут ни что иное как новые обряды, запутывающие старые законы, народ все будет угнетен, дворянство унижено, и несмотря на собственное Его отвращение к тиранству, правление Его будет правление тиранское, [...] все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, не чувствительно в одну точку соединятся. В таком развращенном положении, злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престаёт всякое различие между Государственным и ГОСУДАРЕВЫМ, между ГОСУДАРЕВЫМ и любимцовым⁶⁴.

⁶¹ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.978. С. 351 (27 сентября 1767 г.); РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1, ч. 1. Д. 114. Л. 1—1об.

⁶² Письмо Н.П. Панина Екатерине II, 1795, 19 февраля (Там же. Оп. 1, ч. 2. Д. 1504. Л. 1об.—2).

⁶³ Примечательно, что и молодой Пушкин писал именно о «самовластительном злодее» и «обломках самовластия».

⁶⁴ Проект Н.И. Панина о фундаментальных государственных законах (в записи Д.И. Фонвизина) // *Шумигорский Е.С.* (Сост.) Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 4—13. Авторская маркировка слов в тексте сверена с первоисточником: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 5—17 об.

Канцлер был убежден, что *фундаментальные законы*, составленные самим *самодержцем*, но *непременные* и для него самого, ограждают страну от *деспотической тирании* или *самовластия*. Показательно, что картина политического неблагополучия складывалась для Н.И. Панина также из отсутствия действенных *новых законов*, *угнетения народа* и *унижения дворянства* как сословия, для которого особое значение имело представление о чести и достоинстве.

Общепризнанность подобных идей среди политически активной знати отразилась и в записках Михаила Михайловича Щербатова *О самовластии*, где князь ставил под сомнение вообще возможность называть *самовластие* «именем правления»: «[При самовластии] нет иных законов и иных прав окромя безумных своеправ деспота (самовластителя). Место, что в монархии государь есть для народа, в самовластном правлении народ является быть сделан для государя»⁶⁵. Собственно, и в уже упоминавшемся обращении депутатов Уложенной комиссии Екатерина была названа императрицей, «сказавшей, что не народ для нее, а она для своего народа»⁶⁶. Софистика этого заявления очевидна, но между тем для образованной публики XVIII столетия данная игра слов была наполнена реальным смыслом. Когда на одном из первых заседаний Сената после дворцового переворота 1762 года императрица заявила, что «принадлежит сама государству, она считает и все свое принадлежащим ему же [...] Это заявление вызвало слезы у всех присутствующих»⁶⁷.

Международный престиж абсолютного монарха также не в меньшей мере зависел от порядка в правовой сфере, чем от военных побед и дипломатических успехов. Князь Федор Николаевич Голицын, племянник графа Ивана Ивановича Шувалова, вернувшись на родину в 1777 году после восьмилетнего пребывания за границей, признавал: «Сия великая монархиня, прославившаяся уже как законами, так и войною, от всех других европейских держав была уважаема»⁶⁸. Французский посол Луи Филипп Сегюр в

⁶⁵ *Щербатов М.М.* Разные сочинения. М., 1860. С. 37—48. См. также: Рукописи историка Щербатова, полученные П.И. Бартевым у А.П. Заблоцкого, 1785—1790 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 27 об. — 32 об.). Благодарю Сергея Викторовича Польского за ценную информацию о рукописном наследии Щербатова.

⁶⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.978. С. 352 (27 сентября 1767 г.).

⁶⁷ Собственноручная записка Екатерины II об одном из первых заседаний ее в Сенате после восшествия на престол // Исторический вестник. 1880. Т. 2. № 6. С. 412—414.

⁶⁸ *Голицын Ф.Н.* Записки. Стб. 1276.

своих записках, посвященных пребыванию у русского двора, приводит слова прусского императора о Екатерине: «Царствование ее было блистательное. [...] Фридрих Великий, когда еще был с нею в приятных отношениях, часто хвалил ее. “Многие государыни, — говорил он, — заслужили славу: Семирамида — победами, Елисавета английская — ловкою политикою, Мария-Терезия — удивительною твердостью в бедствиях, но одна только Екатерина заслуживает наименование законодательницы”». Сам же посол зафиксировал такие признания императрицы по поводу ее правовых штудий: «Нередко Екатерина с гордостью удовлетворенного самолюбия говорила мне о двух указах, которые она высоко ценила: один из них — дворянская грамота, а другой — об отмене дуэлей»⁶⁹.

О колоссальной законотворческой деятельности императрицы лучше всего свидетельствуют оставленные ею черновики и подготовительные бумаги. Так рукописные материалы десятого фонда РГАДА подтверждают, в частности, что только *Жалованную грамоту дворянству* Екатерина переписала своим крупным женским почти каллиграфическим почерком несколько раз, внося добавления и поправки в каждый новый вариант текста⁷⁰.

Однако несмотря на масштабность законодательных усилий власти и знаковость таких проектов, как *Наказ*, и таких событий, как Уложенная комиссия, замена обветшавшему сборнику законов 1649 года все же создана не была, а усложняющееся управление империей требовало постоянного обновления законодательной базы и, соответственно, развития принципов законотворчества.

Законодатели, законотолкователи и законоискусники

Характерно, что в русском языке XVIII столетия существовало множество понятий с корнем «закон», в которых были зафиксированы различные аспекты правовой деятельности и роль тех или иных лиц в сфере законотворчества⁷¹. *Законодателем* или иногда

⁶⁹ Записки графа Сегюра. С. 320.

⁷⁰ Собственноручные черновые бумаги о дворянстве. 240 л. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 333). См. также: Заметки Екатерины II о правах на дворянство, о Казенной палате, губернском магистрате, об откупах и др. 14 л. (Там же. Д. 332в); Собственноручные черновые бумаги о должности (первых трех классов). 2 л. (Там же. Д. 327); Собственноручные черновые бумаги о совете императорского величества. 7 л. (Там же. Д. 326); и др.

⁷¹ См., например: СлРЯ XVIII. СПб., 1995. Вып. 8. С. 244—251.

законоположником в области политики и управления государством единодушно признавался Петр, идеал *законодательницы* или соответственно *законоположницы* современники связывали с образом Екатерины II. День рождения императрицы 21 апреля 1778 был отмечен в Московском университете лекцией по истории права Семена Ефимовича Десницкого, в которой он заявлял: «Мы не должны [...] предпочитать Юстиниана наш[ему] приснопамятн[ому] законодател[ю] Петру Великому и преславнейшей законоположнице Екатерине II»⁷². Сходная лексика преобладала в работах других профессоров: Семен Зыбелин заявлял о ревностной преданности подданных своей «обладательнице и законоположнице», а Антон Антонович Прокопович-Антонский превозносил их «благоденствие под правлением премудрой законодательницы»⁷³. Однако и в лекциях профессуры, и в политических памфлетах образованной дворянской элиты панегирическая стилистика соседствовала с критическим осмыслением понятия *законодатель* и *законоположник*. Так, М.М. Щербатов различал *мудрых законодатцев* и авторов *худых законов*. Он с едкой иронией отмечал повальное стремление к законотворчеству, охватившее в его дни всех правителей и придворных. «Мало есть монархов или деспотов, которые не предпри[н]яли бы законодавцами учиниться; [...] много есть временщиков, сенаторов или вождей народа, которые бы [не] предполагали сочинить некоторые законы». По мнению саркастически настроенного князя, большинство этих так называемых законодателей часто думают лишь о собственной славе, «и имея великое мнение о самих себе, [...] не размышляя, сочиняют законы, которые сочинение несчастий[я] народа, и самого потомства их»⁷⁴.

В то же время Щербатов полагал, что «никакое сообщество не может без некоторых правил или законов»⁷⁵. Иначе говоря, благополучие государства и даже его безопасность напрямую зависят от гибкой тщательно продуманной правовой системы, которая опре-

⁷² *Десницкий С.Е.* Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оногo в государственных высокопокровительствуемых училищах [...] М., 1778. С. 10.

⁷³ *Зыбелин С.* Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней [...] М., 1773. С. 32; *Прокопович-Антонский А.А.* Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории [...] М., 1791. С. 4.

⁷⁴ *Щербатов М.М.* Разные сочинения. С. 43?44. См. также: Рукописи историка Щербатова, полученные П.И. Бартеневым у А.П. Заблоцкого, 1785—1790 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 30 об.).

⁷⁵ Там же.

деляется не прихотью правителя, а объективными реалиями. Таким образом, русские монархи XVIII столетия для сохранения собственной власти были жизненно заинтересованы как в укреплении собственного престижа «великих законодателей», так и в развитии науки законов, законоучения или законоискусства⁷⁶. Еще в 1733 году Василий Никитич Татищев писал: «Должно нам не только законы божественные [...] и граждански[e] своего отечества знать, но и силу законодавца внятно и благоразумно разуметь и по оным поступать. Сия наука именуется законоучение»⁷⁷. Соответственно, в русском языке рассматриваемого периода наряду с понятием *законодатель* существовали понятия *законотолкователь*, *законоведец*, *законознатель*, *законоискусник* и так далее⁷⁸. Неслучайно за авансценной жарких дебатов многочисленных депутатов Уложенной комиссии находились четыре человека, «самых искуснейших юриспрудентов под званием консультантов». Эти специалисты, именуемые «учеными», подчинялись исключительно генерал-прокурору, имели жалованье и должны были «разбир[ать] случаи и исследовать[ть] одного ли рода суть законы, которые друг другу кажется противоречат». Более того, «в тяжелых материях» этим «законоискусникам» следовало обращаться в университет, Академию наук и юриспруденский класс Кадетского корпуса⁷⁹.

От придворных *законоискусников*, на которых возлагалась большая ответственность подготовки текстов указов, кроме того, требовались способности к словесности и одновременно чувство стиля законодательных документов. Примечательно, что более десятка статей *Наказа*, специально посвященных «слогу законов», были авторскими и выражали склонность Екатерины к здравому смыслу точных формулировок:

Всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех, и при том очень коротко [...] Законы не должны быть тонкостями, от остроумия происходящими, наполнены: они сделаны для людей посредственного разума, равномерным образом как и для остроумных. [...] Надлежит убогать выражений витиеватых, гордых или пышных и не прибавлять в составлении закона ни одного слова лишнего⁸⁰.

⁷⁶ См., например: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.950. С. 283 (30 июля 1767 г.).

⁷⁷ Татищев В.Н. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. 78.

⁷⁸ См., например: СлРЯ XVIII. Вып. 8. С. 244–251.

⁷⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 18. № 12.950. С. 283 (30 июля 1767 г.).

⁸⁰ Наказ императрицы Екатерины II. С. 122–125.

Записки статс-секретарей императрицы также подтверждают, что она очень ценила четкость изложения и выверенную структуру официальных текстов. «Поднес бумаги по придворной комиссии, — вспоминал Александр Васильевич Храповицкий, — выслушан доклад. Объявлено высочайшее благоволение за труд и ясность»⁸¹.

Некоторые замечания, сделанные в мемуарах, письмах, дневниках придворных, свидетельствуют, что между сановниками существовало негласное, но всеми признаваемое стремление достичь превосходства в мастерстве составления указов и особенно манифестов. Более того, репутация государственного деятеля русского века Просвещения и в глазах современников, и в сознании потомков была тесно связана с талантом *законоискусника*, а также умением точно и метко выразить позицию власти в исходящих от престола документах. Адъютант Потемкина М.А. Гарновский воспроизвел в своем донесении любопытный диалог с Александром Андреевичем Безбородко по поводу манифеста «о войне противу Оттоманской Порты», подготовленного 7 сентября 1787 года сенатором Петром Васильевичем Завадовским:

На сих днях спорил я с известным вам человеком о манифесте. «Манифест написан чрезвычайно и бесподобно хорошо», — сказал он. А я доказывал, что в нем есть ошибки даже в словах, например, в речи: «увенчать коварство наглостию» — слово «увенчать» употреблено некстати; 2-е: «затеи не суть дела, а дела не затеи». Сие ему крайне не понравилось. «Можно ли, да знаете ли вы, что это Петр Васильевич писал?» — сказал он. Он почитает Петра Васильевича красноречивее Златоуста, а дерзнувшего противоречить сему признает достойным предану быть смерти⁸².

В действительности же истинным «Златоустом» российского законодательства единодушно и сейчас считается сам Александр Андреевич Безбородко. Неслучайно Статс-секретарь императрицы Адриан Моисеевич Грибовский отзывался высоко о «цветущем и благозвучном слоге писанных графом манифестов»⁸³.

Здесь уместно будет отдать должное самой русской императрице, которая сумела соединить принадлежащие ей по сану полномо-

⁸¹ Храповицкий А.В. Памятные записки. С. 12.

⁸² Гарновский М.А. Записки. С. 475; ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 22. № 16.567 (7 сентября 1787 г.).

⁸³ Грибовский А.М. Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864. С. 21?22.

чия законодателя и заслуженную репутацию законоискусника. В начале правления Екатерина, еще не совсем уверенная в достаточном владении языком своих подданных, полагалась при составлении текстов указов на секретарей, и прежде всего на Григория Николаевича Теплова. Но со временем ее рука становилась все более уверенной, и авторство важнейших законодательных актов последних десятилетий XVIII века принадлежит именно высочайшей особе.

Слог императрицы на русском языке отличался почти тезисной лаконичностью, а манера изложения отсекала любые не относящиеся теме рассуждения. Можно предположить, что Екатерина по своему оценила исполненные живого чувства многочисленные толкования указов начала столетия, адресованные «неразумным» подданным, состоящим сплошь из «детей неученых, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают»⁸⁴. «Чего ради без сомнения надлежит, где нужда потребует, прибавить изъяснения или толкования для судящих, — писала она в *Наказе*, — чтоб могли легко видеть и понимать как силу, так и употребление закона. Воинский устав наполнен подобными примерами, которым удобно можно последовать»⁸⁵. Однако в отношении собственного законодательства императрица настороженно относилась к толкованиям. «Должно поступать весьма осторожно в сих изъяснениях. [...] Если пишущий законы хочет в них изобразить причину, побудившую к изданию некоторых, то должно, чтобы причина та была сего достойна, [...] чтоб легко можно было понять вещь, законом устанавливаемую»⁸⁶.

Разумеется, власть заботилась о ясности слога правовых документов как залого четкого и неукоснительного их исполнения. Однако в приглушенном недовольстве дворянских фрондеров улавливался иной смысл. Щербатов, например, не имел никакого сомнения, что «законы должны быть писаны слогом кратким, внятным и не двояко знаменующим». Но при этом князь полагал эту затею утопической, поскольку «лукавство сердца человеческого есть толь велико, что тщетно употреблять все способы к написанию законов без двоякознаменования, поврежденные духом все найдут некоторые для утверждения их неправосудия». Единственную па-

⁸⁴ См.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 7. № 4.345. С. 150 (5 ноября 1723 г.).

⁸⁵ Наказ императрицы Екатерины II. С. 122.

⁸⁶ Там же. С. 122—125.

нацею от изначально существующей возможности вольной трактовки закона Щербатов видел в публичности верховного суда и ежегодной публикации «подлинниками все[x] дел, которые были нем решены», чтобы «подданные [...] не опасались по единому закону быть оправданы в одном деле, а обвинены другом»⁸⁷.

Закон и гражданин

Таким образом, в многозначности понятия закон, имеющего целый спектр определений и массу однокоренных слов от законодателя до беззакония, отразились противоречивые реалии жизни русского общества и сложные процессы развития правового сознания современников. Для человека второй половины XVIII века религиозная вера и повседневность, закон Божий и закон государственный, существовали достаточно изолированно и не являлись предметом глубоких раздумий. Однако в официальных документах власть прагматично использовала догматы Нового Завета и даже обращение к закону Моисеевым для придания особой весомости собственным законодательным актам.

Кабинет императрицы и Сенат обрушивали на подданных нескончаемый поток указов, манифестов, регламентов, учреждений, наставлений, уставов, инструкций и так далее. Все эти правовые акты могли объединяться словом закон и были обязательны для неукоснительного исполнения. Но в то же время жанровая размытость законодательных документов второй половины XVIII века не мешала современникам придавать понятию закон более высокий и общий смысл, чем слову указ, а Екатерине даже пытаться как-то упорядочить запутанную юридическую терминологию. «Под словом законы, — писала императрица в *Наказе*, — разумеются все те установления, которые ни в какое время не могут перемениться. [...] Имя указы заключает в себе все то, что для каких-нибудь делается приключений, и что только есть случайное, или на чью особу относящееся, и может со временем перемениться»⁸⁸.

Непременные фундаментальные государственные законы и власть, и фрондирующая элита, следуя за догматами века Просвещения,

⁸⁷ Щербатов М.М. Разные сочинения. С. 47?48. См. также: Рукописи историка Щербатова, полученные П.И. Бартеневым у А.П. Заблоцкого, 1785—1790 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 31).

⁸⁸ Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

наделяли особой силой, способной установить разумный порядок и привести к всеобщему благоденствию. Но если престол видел в них залог устойчивости самодержавного правления, то оппозиционно настроенная аристократия — определенную страховку от *самовластия*, когда «ГОСУДАРЬ [...] не может ознаменовать ни могущества, ни достоинства Своего иначе, как постановя в Государстве своем правила непреложные, [...] которых не мог бы нарушить Сам, не престав быть достойным ГОСУДАРЕМ»⁸⁹. Так понятие *закон* постепенно превращалось и в орудие политического дискурса.

Наиболее же мощным средством ограничения воплощающейся в законе непререкаемой воли монарха были диктуемые реальностью потребности государственного развития, которые определялись действительным положением вещей, а не капризами венценосной особы. Даже изустные распоряжения становились законом, если были оформлены в виде опубликованного сенатской типографией указа и доведены до сведения подданных. Анализ смыслового наполнения понятия *закон* обнаружил, что в сознании современников отсутствовало полное тождество между *монаршей волей* и *именным указом*, слова *самодержавие* и *самовластие* были почти антонимами, а главной добродетелью просвещенного императора признавался талант *законодателя*, создающего и вводящего *непреложные законы*.

Авторы правовых документов, а иначе говоря, *законоискусники*, в роли которых часто выступал сам *законоположник*, всемерно стремились повысить эффективность исполнения законов и усилить их регулирующую функцию социального контроля. Власть не просто жестко требовала исполнять всенародно объявленные указы, чтобы «неведением никто не отговаривался». Престол воспитывал у подданных уважение к закону, непосредственно связывая правовые акты с непререкаемым авторитетом правящей императрицы и акцентируя преемственность «подлежащих вечности законов» с указами предшествующих правлений. Екатерина пристрастно следила за четкими формулировками и ясным слогом законов, а также не допускала отмены уже провозглашенных указов. Она исходила в своих постановлениях из «здорового смысла», «природной склон-

⁸⁹ Проект Н.И. Панина о фундаментальных государственных законах. С. 4—13. Авторская маркировка слов в тексте сверена с первоисточником: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 5—17 об.

ности» подданных и «мыслей просвещенной части народа». Однако способность императрицы «уведывать» «мысли просвещенной части народа» точнее будет назвать умением манипулировать настроениями политической элиты, на которую, собственно, и была рассчитана регулятивная функция законодательства. Что же касается податных людей, составляющих большую часть населения империи, то закон для них был императивом без каких-либо толкований, а сами они сливались в безликую массу, обязанную посылать рекрутов «по три человека с 500 душ».

Однако не только тот факт, что, как писал Радищев, «земледельцы и доднес в законе мертвы», но и целый ряд других обстоятельств придавал понятию *закон* в русском языке второй половины XVIII века несколько умозрительный и идеальный смысл. Прежде всего в силу своих функций любой правовой акт отражает не столько реалии развития общества, сколько представление власти о том, каким оно должно быть. Юрий Михайлович Лотман писал:

Одной из основных особенностей русской культуры послепетровской эпохи было своеобразное двоемирие: идеальный образ жизни в принципе не должен был совпадать с реальностью. Отношения мира текстов и мира реальности могли колебаться в очень широкой гамме — от представлений об идеально высокой норме и нарушениях ее в сферах низменной действительности до сознательной правительственной демагогии, выразившейся в создании законов, не рассчитанных на реализацию (Наказ), и законодательных учреждений, которые не должны были заниматься реальным законодательством (Комиссия по выработке нового уложения)⁹⁰.

«Сознательной правительственной демагогией», о которой упоминал Лотман, можно назвать репрезентативную функцию законодательства, призванного не только осуществлять социальный контроль, но и поддерживать величественный образ престола в восприятии подданных и позитивный образ империи в глазах европейского общественного мнения.

Кроме того, простая истина, что объявление указа «во всенародное известие» еще не означает его реализацию, придавала правовым актам оттенок некой идеальной абстракции, к которой необходимо стремиться. Неоднократное издание на протяжении

⁹⁰ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 295.

правления Екатерины законов одного содержания свидетельствовало о сбое в их исполнении. Так, с 1762 по 1796 год было опубликовано более двадцати именных и сенатских указов, увещающих чиновников «воздерживаться от лихоимства», содержащих «меры к прекращению взяток», наказывающих за «корысть и отягощение народа поборами»⁹¹. Как известно, «сребролюбие» продолжало процветать, но при этом нельзя сказать, что закон был абсолютно бессилён — настойчивость власти, осуждающей «гнусную наживу», задавала определённую нравственную планку и формировала систему предпочтений.

Особенности функционирования имперской бюрократической машины лишь усиливали размытость смыслового содержания понятия *закон*, придавая ему оттенок абстрактности и даже утопичности. Многие государственные чиновники плохо знали правовые акты, иногда «превратно» их толковали, порой следовали уже отменённым указам и даже позволяли себе собственное законотворчество. Непосредственным свидетельством превращения закона в некий неосязаемый фантом являются практически ежегодно «объявляемые во всенародное известие» указы о «предоставлении рапортов об исполнении именных и сенатских указов».

Всеобщая картина игнорирования законов государственными чиновниками усиливалась скептическим отношением к силе закона «партикулярного» человека. Анализ прошений на высочайшее имя, которые, кстати сказать, могла позволить себе только политическая элита, обнаружил стоическую веру подданных лишь в милосердие императрицы. Попытка защиты собственных прав на основании закона была оправдана лишь в отношении других представителей политической верхушки, но никак не монарха. Поэт Александр Петрович Сумароков в посланиях императрице мог гневно заявлять, что «фельдмаршал подчиняется законам, а не законы ему», «он полномочие имеет; однако полномочие его под законом, а не над законом», но при этом смиренно добавлял «я подданный ваш, а не его, всенижайший и преданнейший раб»⁹².

Никакой корреляции между существованием закона, правосудием, гарантированными привилегиями высшего сословия, с од-

⁹¹ См., например: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. № 11.616. С. 22?23 (18 июля 1762 г.); Т. 17. № 12.537. С. 473?474 (31 декабря 1765 г.); Т. 20. № 14.769. С. 726—727 (27 июня 1778 г.); и др.

⁹² См. письма А.П. Сумарокова (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 129—132).

ной стороны, и надеждой на справедливость — с другой, в сознании дворянина не существовало. Высшие сановники, сенаторы, авторы многочисленных указов и манифестов, в случае необходимости даже не помышляли об апелляции к закону, а уповали только на высочайшую милость, расположение фаворита, а если повезет, и беспосредственное обращение.

Так ряд этимологических смыслов понятия *закон* замыкался в некий неразрывный круг, вращающийся вокруг слов *самодержавие, самовластие, произвол, подданные, государство* из знаменитого высказывания Панина, дошедшего до нас в записи Д.И. Фонвизина: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединились бы узлом взаимных прав и должностей»⁹³.

Кажется, преодолеть это завораживающее вращение можно было лишь через новый взгляд на понятие *гражданин*.

⁹³ Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Шумигорский Е.С. (Сост.) Император Павел I. С. 4; см. также: Бумаги графов Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к вел. кн. Павлу Петровичу) 1784—1786 гг. (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17).